

В. Оленченко

**БЕЛОРУССИЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА:
ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ**

DOI: 10.20542/2073-4786-2022-3-44-58

Статья поступила в редакцию 28.07.2022; одобрена после рецензирования 07.09.2022; принята к публикации 12.09.2022.

В Белоруссии и за её пределами сложилось представление, что белорусская идеология в XXI веке формируется из противостояния президента А. Лукашенко и оппозиции, которая включает местных интеллектуалов, представителей региональных элит, общественных деятелей, политиков, блогеров, стихийных диссидентов. Этот стереотип широко тиражируется белорусскими и зарубежными СМИ, авторами научных исследований. Выразители таких взглядов по большей части рефлекторно откликаются на текущие события, стремясь интерпретировать происходящее исходя из сложившихся у них стереотипов.

При этом просматривается дефицит научно обоснованных концепций того, что происходит в республике, поскольку высказываемые соображения не являются результатом глубоких исследований, анализа и научно обоснованного построения теории развития идеологии в Белоруссии. В связи с этим возникает вопрос: откуда черпают свои идеи участники идеологического противостояния в Белоруссии? Чем они подпитываются идеологически? Какой им видится перспектива белорусской идеологии?

Теоретические обоснования

В современном мире исследования политических процессов оказываются привязанными к временным рамкам, а потому их теоретическое значение скоро утрачивает актуальность. Они более пригодны для ретроспективного понимания событий, чем для анализа современности. Так, научные работы первого десятилетия XXI в. уже диссонируют с нынешними реалиями. К примеру, С. Черниченко в 2010 г. утверждал: «...абсолютного суверенитета нет, поскольку государства взаимозависимы, и эта взаимозависимость в современном мире непрерывно возрастает» [1, с. 16]. Действительно, мир в те годы находился во власти идеи глобализации, которая рассматривалась как процесс единения стран и объединения усилий для формирования общего благосостояния. В настоящее время, когда преобладает доминанта санкционных режимов и редко кто вспоминает о глобализации, этот тезис явно неприемлем ни теоретически, ни практически.

Теоретические исследования процессов, протекающих в мире, также всё меньше объективно и полномасштабно отражают развитие государств и взаимоотношений между ними. Анализ происходящего в одной или нескольких странах более не может рассматриваться в качестве полноценного инструмента для понимания ситуации в других государствах. К примеру, оценки развития Китая, Ирана или Великобритании не могут иметь практического смысла для анализа ситуации, сложившейся в Белоруссии, поскольку изменения в этих странах приобретают разноплановый характер, происходят разными темпами, не говоря уже об их национальных особенностях. Видимо, в силу этих обстоятельств, глобализация, подразумевавшая идеологическую консолидацию вокруг американских ценностей, теряет популярность.

Запрос на идеологию

Глобальный финансово-экономический кризис 2007–2009 гг., по мнению автора, подвел черту под периодом иллюзий и эйфории 1991 – 2009 гг., преобладавших после дезинтеграции СССР. Иллюзий – у наследников СССР, и эйфории – у оппонентов СССР. Идеологию того времени американский исследователь Френсис Фукуяма в книге «Конец истории и последний человек» (The End of History and the Last Man), опубликованной в 1992 г. [2], характеризовал как «конец» истории. Он полагал, что дезинтеграция СССР стала следствием торжества либерализма, который представляет собой венец глобальной идеологии. В этом смысле, по мнению Фукуямы, можно было утверждать о наступлении «конца» истории, о «бессмысленности» дальнейших философских и идеологических изысканий. Оптимальным ему виделось лишь всеобщее заимствование идеологии либерализма.

Тезис не выдержал проверки временем и начал терять свое значение и среди сторонников этих взглядов, и среди их оппонентов. Оказалось, что постулат излучал политический магнетизм, но не реальную мощь. После 2007–2009 гг., особенно после безуспешных попыток материализовать этот тезис, в частности через «арабскую весну», в мире стало распространяться мнение, что для продолжения общественного развития нужны собственные идеологические ориентиры, понятные и политикам, и населению и, как правило, привязанные к специфике отдельных государств. Иными словами, для общественного развития нужны упорядоченная совокупность идей и понимание того, как их материализовать. То есть нужна идеология.

Всё более очевидной становится востребованность идеологии и на постсоветском пространстве. Недавний пример – масштабные протесты в Казахстане в январе 2022 г. Их можно сопоставить с массовыми протестами в Белоруссии осенью 2020 г. Ключевые условия Казахстана и Белоруссии схожи. В обоих государствах была актуальна тема транзита власти. Оба государства

подвергаются активному внешнему воздействию. И в Казахстане, и в Белоруссии не уделялось внимания формированию национальной идеологии, она существовала, в основном, в виде лозунгов.

Осознание нехватки идеологии становится повсеместным, и эта тема начинает широко обсуждаться среди политиков, общественных деятелей, экспертов и находит отражение в СМИ [3].

Плоскость личных амбиций

Стремление ограничить белорусскую идеологию амбициями А.Лукашенко¹ сложилось еще в 2000-е годы. Так, некоторые авторитетные российские исследователи, рассматривая союз России и Белоруссии, делали акцент на том, что «...у обоих президентов (российского и белорусского – В.О.) существовали свои планы в связи с проектом образования нового государства.² Лукашенко имел виды на президентство в этом государстве, тогда как Ельцин³ тем же самым хотел снять ограничения на третий срок своего пребывания у власти» [4, с. 37]. Не менее радикальные и пессимистичные оценки звучали и со стороны белорусского научного сообщества, представители которого утверждали, что «...союзное государство практически невозможно» [5, с. 74].

Приведенные рассуждения российского (В.П.Фёдоров) и белорусского (О.Г.Буховец) исследователей не выдержали проверки временем – Союзное государство России и Белоруссии состоялось и доказало свою востребованность и в политике, и в экономике, и в военной сфере, и в идеологии. Возникает вопрос: почему же ряд исследователей, рассматривая проблемы становления Союзного государства, проявляли пессимизм в отношении перспектив этого проекта? Создается впечатление, что они чрезмерно фокусировались на процессе отождествления идеологии с амбициями политиков и считали это главным.

Аналогичный подход можно наблюдать со стороны белорусской оппозиции. И в этом случае внимание исследователей сосредоточено на амбициях отдельных оппозиционных деятелей, оценке их активности и их потенциала. При этом политические взгляды оппозиционеров и в целом их идеология остаются малоизученными. Как представляется, изъян такого подхода состоит в том, что нынешняя политическая ситуация в Белоруссии выглядит как борьба личностных амбиций, в то время как будущее страны

¹ Александр Григорьевич Лукашенко (р.1954) является Президентом Республики Беларусь с 1994 г., переизбирался на пост президента на выборах 2001, 2006, 2010, 2015 и 2020 гг.

² Договор о создании Союзного государства России и Белоруссии подписан 08.12.1999 г. и вступил в силу 26.01.2000 г. после ратификации парламентами обеих стран.

³ Борис Николаевич Ельцин (1931-2007) был первым Президентом Российской Федерации (1991–1999 гг.).

объективно будет определять идеология, которую примет большинство населения.

Критика А.Лукашенко

В научных и публицистических материалах в России, Белоруссии, других странах в адрес А.Лукашенко преобладает критика. Она в значительной мере представляется справедливой, однако такой подход игнорирует достижения Белоруссии за время пребывания его во власти. Если брать за отправную точку избрание А.Лукашенко президентом 20 июля 1994 г. и задумываться о формировании его подходов к развитию Белоруссии в качестве независимого государства, становится очевидным, что у него было несколько вариантов.

Он мог продолжить линию С.Шушкевича,⁴ который вошел в историю как один из трех инициаторов и организаторов роспуска СССР в 1991 г.⁵ Лукашенко мог пойти и по пути форсированной вестернизации Белоруссии или обратиться к модели многовекторной политики, которая, как полагают российские эксперты, «...начала формироваться на постсоветском пространстве как единственно возможная реакция на мировое устройство после 1991 года» [6, с. 6]. Перечисленные три подхода были широко распространены среди руководителей советских республик, ставших самостоятельными государствами в 1991 г.

Следует отдать должное А.Лукашенко – он поддержал инновационный для постсоветского пространства вариант сочетания модели многовекторной политики и заключения Союзного договора между Россией и Белоруссией.⁶ Этот вариант, как свидетельствуют текущие события в регионе и мире, обеспечил Белоруссии экономическую, политическую и социальную стабильность.

К несомненным достижениям А.Лукашенко, помимо подписания Союзного договора, можно отнести ещё три момента, имеющих фундаментальное значение. Лукашенко сделал то, что не удалось руководителям большинства бывших советских республик. Он максимально использовал положительный советский научный, организационный,

⁴ Станислав Станиславович Шушкевич (1934-2022) являлся Председателем Верховного Совета Белоруссии в 1991–1994 гг. Этот пост соответствовал посту президента страны.

⁵ Соглашение о прекращении существования СССР как субъекта международного права было подписано 08.12.1991 г. на белорусской территории и получило название Беловежского соглашения. Соглашение подписали руководители союзных в то время республик Белоруссии, России, Украины. Соглашение вступило в силу 31.12.1991 г.

⁶ В научной среде Белоруссии, особенно среди оппозиционно настроенных по отношению к А.Лукашенко интеллектуалов, бытует мнение, что авторство Союзного договора принадлежит российскому научному, политическому, общественному деятелю Е.М.Примакову (1929–2015), который убедил А.Г. Лукашенко в целесообразности заключения договора.

политический опыт для обеспечения благосостояния Белоруссии. Другая заслуга А.Лукашенко видится в том, что он проявил твердость и не пустил власть на самотёк, когда на неё претендовали те, кто был амбициозен, но малокомпетентен. Иными словами, он не допустил к власти тех, кто не способен ею распорядиться в интересах всего белорусского общества.

Заслуга Лукашенко состоит и в том, что он не допустил развития Белоруссии по прибалтийскому, украинскому или польскому пути. В частности, на территории республики и среди белорусского населения не прижился шовинизм, который мы наблюдаем в Западной Украине и который позиционируется в настоящее время в качестве общеукраинской идеологии. Этот феномен вобрал в себя всё худшее, что было в польской и украинской идеологии, а также в идеологии их принудительного сосуществования.

В то же время стратегическая ошибка А.Лукашенко видится в том, что Белоруссия после 1991 г. уклонилась от своей исторической роли (Великое Княжество Литовское и Русское (ВКЛ), Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика, существовавшая с 27 февраля по 8 августа 1919 г., БССР) – быть ведущим субъектом для государств Прибалтики и в целом лидером этого субрегиона. Лукашенко начал приспосабливаться к странам Прибалтики и Польше как к равным и тем самым уступил им инициативу в двусторонних отношениях и инициативу региональную.

Вместе с тем заслуги и упущения А.Лукашенко не могут нивелировать сложные обстоятельства регионального и глобального развития, требующие от руководства Белоруссии консолидации общества, что может быть достигнуто только при наличии адекватной идеологии.

Белорусская идеология – сопоставления

В настоящее время понятие идеологии в Белоруссии обнаруживается, в основном, применительно к идеологии белорусской государственности.⁷ При этом полезно сопоставить формулировки этого понятия в белорусском, советском и западном понимании. В частности, имеется в виду, что советская идеология достигла своего пика в начале 80-х годов XX века, поскольку позже, с середины 80-х годов начался процесс так называемой перестройки. При этом необходимо учитывать, что феномен перестройки возник как кризис советской идеологии.

Правда, пока остается недостаточно исследованным вопрос о том, что в действительности переживало кризис – только ли идеология или также умение применять идеологию на практике, актуализировать её? В более широком плане уместен вопрос: не наблюдался ли вообще кризис умения управлять

⁷ Автором термина идеология считается французский философ и экономист А.Л.К. Дестют де Траси, который в своей работе «Элементы идеологии» (“Elements d’ideologie”) т.1-4, 1801-1815 гг. предложил учение об идеях с целью установления твёрдых основ политики, этики.

государством? Постановка этого вопроса обоснована примером Китая, который при той же идеологии, что была в СССР, стал одной из ведущих стран мира.

Суть научного определения советской идеологии, общепринятого в рамках марксистско-ленинского дискурса, формулировалась в начале 80-х годов XX столетия следующим образом: «...система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программа) социальной деятельности... Идеология всегда носит классовый характер» [7, с. 199–200]. Вряд ли формулировка с акцентом на классовой борьбе могла избежать кризиса – в этом она выглядела анахронично и не могла безоговорочно восприниматься образованным сознанием.

В свою очередь, основа идеологии белорусской государственности в первом десятилетии XXI века академически формулировалась как «...система идей, взглядов, представлений о целях развития белорусского общества, также о средствах и путях достижения этих целей» [8, с. 701-702]. Видимо, не случайно в начало вынесено слово «система», то есть идеи, взгляды, представления и пути их материализации приведены в определенный порядок.

Если обратиться к американскому восприятию идеологии на рубеже XX–XXI вв., то в англосаксонской среде констатируют, что «...период до 1989 года был переломным в развитии идеологий, до этого времени весь мир был охвачен конфронтацией либерализма и коммунизма» [9, с. 21]. Представители этих двух идеологических доктрин считали себя ответственными за будущее мира и не допускали участия в конфронтации других идеологий, считая те вспомогательными. Подобная констатация дает основание американским исследователям считать либерализм победителем в соревновании двух идеологий.

Сопоставление приведенных формулировок показывает, что идеология белорусской государственности не выглядит как заимствование советской идеологии – по своему содержанию эти идеологические доктрины не похожи на родственные. Не претендует белорусская идеология и на американское идеологическое видение. Таким образом, можно утверждать, что белорусская идеология имеет свою идентичность.

Идеологические воззрения оппозиции

Идеологические взгляды белорусской оппозиции выражены преимущественно в виде лозунгов. Опорным тезисом этой идеологии выступает требование о необходимости дезинтеграции Союзного государства, объединяющего Россию и Белоруссию. Тезис декларируется в разных аспектах: зависимость Белоруссии от России, препятствие многовекторности внешней политики Минска, отсутствие самостоятельности у Белоруссии в международных делах.

Другой фундаментальный тезис, в той или иной редакции присущий всем деятелям, причисляемым к белорусской оппозиции, – требование выхода Белоруссии из всех интеграционных объединений, действующих на постсоветском пространстве. Третий аспект идеологии белорусской оппозиции – необходимость членства Белоруссии в НАТО и Евросоюзе.

Возникают риторические вопросы, на которые пока нет ответов в высказываниях оппозиционеров и в программных документах белорусской оппозиции. В частности, почему белорусские сторонники Европейского союза представляют взаимозависимость Белоруссии и ЕС как фактор увеличения и усиления белорусского потенциала, а противники Союзного государства интерпретируют взаимозависимость России и Белоруссии как ущерб белорусскому суверенитету?

Требования белорусской оппозиции изложены в ряде материалов, к примеру, в проекте «Реанимационный пакет реформ для Беларуси» [10], который представляет определенный интерес с точки зрения исследования формирования положений этого проекта, реакции на них, совместимости с белорусским менталитетом и белорусской идеологией.

Польский конфессиональный фактор

Географически Белоруссия занимает срединное положение между Россией и Польшей. При этом, если Россия является олицетворением православия, то Польше присущ экспансивный польский католицизм, который требует от неопитов «покорной дисциплины» [11, с. 209]. Логично, что обе ветви христианства с давних пор присутствуют в Белоруссии и соперничают между собой. Традиция их соперничества сложилась в Средние века в период формирования государственности в Европе и сопровождалась острой идейной борьбой, в том числе в Белоруссии. Противостояние генерировал в основном католицизм, который предпринимал даже военно-политические усилия по подчинению себе православия.

Подобная позиция оказалась бесперспективной для католицизма. В этой связи у католических иерархов Ватикана родилась идея симбиоза католицизма и православия в виде идеологии униатства, предполагающей сохранение православных обрядов, но с применением католических канонов и признанием верховенства Папы Римского, то есть католической церкви («уния» – по латыни «союз»). В качестве пространства апробирования этой идеи были избраны западнобелорусские и западноукраинские земли, входившие в состав Великого Княжества Литовского и Русского, а реализация идей униатства была возложена на польских церковных и политических деятелей по их просьбе.

Идейное обоснование польских притязаний на Белоруссию наиболее ёмко изложено в фундаментальном труде польского богослова Петра Скарги “O jedności kościoła Bogaego” («О единстве церкви Божьей»), обнародованном в 1577 г. [12, с. 24]. Работа посвящена необходимости объединения православия

и католицизма под эгидой католицизма. Главные тезисы работы содержат критику православия и России. Так, у П.Скарги вызывает недовольство единство православия и государственной власти в России. В частности, Скарга привязывает конфессиональные убеждения к языку общения и «...убежден в превосходстве латинского языка над славянским» [13, с. 215]. Препятствием к слиянию православия и католицизма автор считает Московское царство [13].

Следует отметить, что П.Скарга был не рядовым богословом, а представлял орден иезуитов и был командирован в Польшу с миссией распространения униатства. Его работа “*O jedności kościoła Bogaego*”, по оценке украинских историков, стала отправной точкой материализации униатства на Украине и в Белоруссии [12].

В Белоруссии униатство вызывало размежевание внутри белорусского общества. Его аристократическая часть, которую можно было бы назвать сегодняшним словом «элита», приняла унию с Польшей (1569 г.) и униатство, поскольку и то и другое закрепляло ее имущественные права и социальное доминирование. Широкие же круги белорусского населения не приветствовали униатство, причем не на уровне молчаливого несогласия, а в форме учреждения в Белоруссии различного рода антипольских братств, которые противостояли элитам и одновременно препятствовали политике ополячивания.

В силу указанных обстоятельств Белоруссия со времени Средних веков испытывает заметное идейное воздействие со стороны Польши, направленное на её подчинение польским интересам. Нельзя утверждать, что Белоруссия не испытывала и не испытывает влияния и со стороны России. Однако различие состоит в том, что польское влияние нацелено на подчинение Белоруссии, российские же намерения заключаются в формировании и укреплении равноправного союза между двумя странами.

К настоящему времени конфессиональный фактор не играет столь значимой роли в силу двух обстоятельств. Между католической и православной церквями было достигнуто относительное понимание о бесперспективности униатства. «В 1993 году в Баламанде (Ливан) официальные представители Католической Церкви совместно с православными представителями подписали документ, в котором униатство было отвергнуто как противоречащее традиции обеих Церквей – Католической и Православной» [14, с. 111].

Другой аспект – само белорусское общество, испытывавшее в течение пяти веков конфессиональное давление, в частности со стороны Польши, доказало способность сохранять самостоятельность мышления и твёрдость духа в любых испытаниях. В этом смысле видны параллели между русским и белорусским характерами, между русским и белорусским подходами к обеспечению своего суверенитета. При этом тема российско-белорусских отношений, как и пять веков назад, продолжает оставаться в фокусе внимания

западных стран и соседей Белоруссии, придерживающихся евро-атлантической идеологии.

Приведенный экскурс показывает исторические предпосылки усилий Запада и оппозиции по трансформации белорусской идентичности, что находит отражение в призывах к размежеванию России и Белоруссии.

Литовский фактор

История Белоруссии и Литвы тесно переплетена, а в период XIII– XVI вв. это была история одного государства, известного как Великое Княжество Литовское, в котором доминирующая роль принадлежала белорусской стороне, а государственным языком был старобелорусский. Примечательно, что западноевропейские страны в ряде случаев по-прежнему воспринимают их как конгломерат.

В этой связи у белорусских и литовских политиков наблюдается привычка рассуждать о делах в Белоруссии и Литве как о своих собственных и выступать с рекомендациями. К примеру, литовский премьер И.Шимоните в апреле 2022 г. в интервью британскому журналу “The Economist”, говоря о необходимости более активного участия Британии в украинских делах, отметила, что и Белоруссия требует западного внимания, так как она «скована» размещением вооруженных сил России на её территории [15].

Уместным представляется допущение, что Шимоните могла выражать общее мнение государств Прибалтики, Польши и Великобритании, так как до британского выхода из Евросоюза (2020 г.) перечисленные страны выступали в Евросоюзе консолидировано, с антироссийских позиций, призывая к ужесточению отношений с РФ. В другом случае в число участников конференции, посвященной 100-летию установления дипломатических отношений Литвы и США, которая состоялась в Вильнюсе 7 июля 2022 г., литовцы внесли белорусов, хотя поименно никого не назвали [16]. Скорее всего, речь шла о представителе белорусской оппозиции С.Тихановской, с 2020 г. проживающей в Литве.

В то же время Белоруссия не включена Литвой в число своих внешнеполитических приоритетов. К примеру, в литовском парламенте существует 16 комитетов, 10 комиссий, 2 временных комиссии и 6 специализированных комиссий [17], но ни одна из этих структур не фокусируется на литовско-белорусских отношениях. Более того, в МИД Литвы насчитывается более 50 подразделений, но в деятельности ни одного из них Белоруссия не занимает приоритетного положения [18].

Приведённые данные можно расценить как свидетельство того, что Литва не относит к своим национальным интересам развитие партнерства с Белоруссией и не стремится к объективному изучению белорусских возможностей в литовских делах. Тем не менее Вильнюс пытается позиционировать себя примером для Минска в сфере взаимоотношений с

другими странами. Так, для литовской идеологии характерны евроатлантизм, национализм, русофобия. С этих позиций Литва и призывает белорусов к прозападной ориентации, объявляя российско-белорусские отношения главным препятствием для неё. При этом попытки оказать влияние на белорусскую идеологию в значительной мере приобретают характер формальных призывов, не учитывающих реалии Белоруссии и не имеющих конкретных адресатов в белорусском обществе.

Действия белорусских властей

Вокруг Белоруссии сохраняется напряжённость, которая возникла с момента президентских выборов, состоявшихся 9 августа 2020 г., когда в Евросоюзе и соседней Украине не признали законными их результаты.

Украинский кризис, особенно его острая фаза оттеснили, как может показаться, ситуацию в Белоруссии и вокруг неё в международных отношениях на второй план, а вопрос транзита власти потерял прежнюю актуальность. Однако это впечатление обманчиво. Страны, заинтересованные в дестабилизации положения нынешнего белорусского руководства – США, Германия, Польша, республики Прибалтики, и прежде всего, Литва, – не отказались от своих намерений. К примеру, президент США Д.Байден во время визита в Польшу 26 марта 2022 г. встретился с С.Тихановской, позиционируемой в качестве лидера белорусской оппозиции, и выразил ей поддержку.

В Белоруссии стремятся не только противостоять попыткам белорусской оппозиции и поползновениям извне навязать своё видение белорусского будущего. Власти республики предпринимают встречные шаги по актуализации белорусской идеологии. К ним, в частности, относится референдум по новой редакции Конституции Белоруссии, состоявшийся 27 февраля 2022 г. Участие электората в референдуме на уровне 78,63% и число поддержавших новую редакцию Конституции Белоруссии – 82,86% от принявших участие и 65,16 % от общего числа зарегистрированных избирателей – свидетельствуют о том, что поправки, внесенные в Конституцию, своевременны и отвечают запросам общества [19].

Обновленная Конституция вступила в силу 15 марта 2022 г. и объективно знаменует движение к новым реалиям. Так, в новой редакции Конституции Белоруссии сформулированы условия белорусской демократии: «Статья 4. Демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе идеологии белорусского государства, а также многообразия политических институтов и мнений» [20]. Это определение представляет собой новый элемент для Конституции, но, вероятно, требует законодательного уточнения путём принятия профильных законов в части того, что включает в себя понятие «многообразие политических институтов и мнений», имея в виду, что многообразие, по мнению автора, не должно допускать радикализма,

национализма, ксенофобии. Есть необходимость уточнения и научных формулировок, к примеру, содержания понятия «идеология».

В Конституции значительное место посвящено Всебелорусскому народному собранию (ВНС) – Глава 3¹ в Разделе IV «Президент, Всебелорусское народное собрание, Парламент, Правительство, Суд». Конкретные положения содержатся в Статьях 89¹-89⁶. По механизму формирования, широкому представительству – 1200 депутатов – и по своим полномочиям Всебелорусское народное собрание вызывает исторические ассоциации с народным Вече.

В восточнославянской традиции Вече (Совет) трактовалось и как форма демократии, и как орган государственного управления, и как форма общественного самоуправления. История Белоруссии не содержит прямых ссылок на применение практики Вече. Белоруссия в средневековой истории представлена Великим Княжеством Литовским и Полоцким княжеством, но Вече отвечает славянской традиции и славянскому менталитету, которых придерживается Белоруссия.

Как известно, высшим белорусским законодательным органом является Национальное собрание, которое состоит из двух палат – Палаты представителей (нижняя палата) и Совета Республики (верхняя палата). Названия Национальное собрание Республики Беларусь и Всебелорусское народное собрание оставляют впечатление некоторой созвучности. Есть также ощущение того, что следует провести более чёткое размежевание их полномочий. К примеру, ВНС «...утверждает основные направления внутренней и внешней политики, военную доктрину, концепцию национальной безопасности» [21]. Примерно такими же функциями наделено Национальное собрание Республики Беларусь – Статья 95, пункт 2⁸.

Просматривается нестыковка и в том, что во вступившей в силу 15 марта 2022 г. Конституции Белоруссии детально прописан механизм формирования ВНС, однако в календаре избирательных процессов Центральной избирательной комиссии (ЦИК) Белоруссии, расписанных до 2025 г., выборы в ВНС не значатся [22]. В целом остаётся впечатление, что белорусские власти находятся в поиске, а их действия по актуализации идеологии пока характеризуются незавершенностью и непоследовательностью [23].

Идеология Союзного государства России и Белоруссии

Одним из ключевых элементов российской и белорусской идеологии следует считать идеологию Союзного государства России и Белоруссии. Пока она ждёт своего часа. Мы в России, как и в случае с другими постсоветскими

республиками, всё еще уповаем в основном на этническую общность или общность истории, хотя пример Украины в период 2014–2022 гг. показал недостаточность такого основания. Следовательно, при формировании идеологии Союзного государства России и Белоруссии резонно опираться не только на этническую близость, общую историю, схожесть менталитетов, но и предусмотреть необходимость достижения единства понятий, характеризующих внутреннюю и внешнюю политику.

К примеру, для понимания многовекторности белорусской внешней политики можно обратиться к работе Н.Межевича, исследовавшего эту проблему. Он считает, что «...многовекторность начала формироваться на постсоветском пространстве как единственно возможная реакция на мировое устройство после 1991 года» и добавляет, что, «...анализируя белорусскую внешнеполитическую многовекторность, мы обязаны учитывать, что перед нами “версия” российской многополярности» [6, с. 6].

Нет веских оснований оспаривать эти утверждения, однако, как представляется, уместны некоторые уточнения. С точки зрения белорусов, многовекторность видится как стремление выйти за рамки СНГ и показать готовность к налаживанию отношений с Европой. Многополярность же России в международных отношениях противостоит доминированию США. Оба уточнения свидетельствуют о том, что и многовекторность, и многополярность имеют смысловые оттенки, требующие конкретизации в каждом эпизоде мировой политики. Отсюда мы должны понимать, что сближение российской и белорусской идеологии в сфере внешней политики Союзного государства требует глубокого прояснения используемых понятий, в частности таких, как суверенитет, многовекторность и многополярность.

Многовекторность как принцип постсоветского пространства и как составная часть белорусской внешней политики прошла ряд этапов развития. Следует ли воспринимать динамику многовекторности как защитную реакцию стран, её придерживающихся, или как утверждение новой идеологии?

Выводы

Белоруссия обладает устойчивой национальной идентичностью, которая за почти тысячелетнюю историю подвергалась серьёзным испытаниям, но осталась неизменной. В силу своего географического положения страна всегда испытывала идеологическое влияние со стороны соседей, противостояла их попыткам подчинить себе и подвергалась политике давления.

Тем не менее внешние наблюдатели, мало знакомые с историей Белоруссии или игнорирующие белорусскую историю, склоны воспринимать её упрощенно и подходить к ее оценке с лекалами таких постсоветских республик, как Украина, Молдова, Грузия. Однако в настоящее время белорусская идеология представлена неравнозначными фрагментами. Новые

глобальные реалии, прежде всего активизация перехода к многополярному миру, порождают запросы на обновление идеологии и придание ей цельности.

И у сторонников белорусской идентичности, и у её оппонентов имеется ясное понимание того, что в современных условиях самостоятельность Белоруссии возможна лишь в союзе с Россией. На белорусских политиков и общественных деятелей ложится ответственность привести идеологию Белоруссии в соответствие с сегодняшними реалиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черниченко С.В. 2010. Делим ли государственный суверенитет? // Евразийский юридический журнал. № 12 (31).
2. Фукуяма Ф. Конец истории? /Электронный текст /National Security Archive – информационный массив, действующий в США/ URL: https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1989-27-28/27-28-84-118.pdf (дата обращения 27.07.2022).
3. Боев Э. Игры закончились. Идеология возвращается в Россию. Уже скоро — мнение // EADaily. 07.04.2022. URL: <https://easily.com/ru/news/2022/04/07/igry-zakonchilis-ideologiya-vovrashchaetsya-v-rossiyu-uzhe-skoro-mnenie> (дата обращения 21.07.2022).
4. Фёдоров В.П. 2005. Есть ли друзья у России, и нужны ли они ей? (Доклады Института Европы РАН. № 154). М.: ИЕ РАН – Издательство «Огни ТД». 48 с.
5. Буховец О.Г. 2003. Союз РБ – РФ. Элиты и массовое сознание Беларуси о настоящем и будущем интеграции с Россией. (Доклады Института Европы РАН. № 128). М.: ИЕ РАН.
6. Межевич Н.М. Многовекторность и реальный суверенитет в российско-белорусских отношениях. Аналитическая записка №40, 2020 (№223). Институт Европы РАН. URL: <https://www.instituteofeurope.ru/publications/analytics> (дата обращения 20.07.2022).
7. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н.Федосеев, С.М.Ковалев, В.Г.Панов. 1983. М.: Сов. Энциклопедия. 840 с.
8. Белоруссия. Энциклопедия в 6-ти томах. 2006. Минск. Т.3.
9. Шварцмантель Д. 2009. Идеология и политика / Пер. с англ. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009 г. 312 с.
10. Реанимационный пакет реформ для Беларуси / Обобщенные предложения белорусской оппозиции / Электронный текст / Портал, позиционируемый как платформа политических организаций и независимых экспертов Белоруссии/ URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:DCjwMwpgTKkJ:zabelarus>

.com/ru/2020/06/25/security-2/+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru (дата обращения 27.07.2022).

11. Митрополит Вениамин (Федченков). 2003. Католики и католичество. Духовный лик Польши. М.: «Скимень», «Пренса». 222 с.

12. Значение труда Петра Скарги “O jednosci kosciola Bogego” в истории Украины / Электронный текст – украинский язык/, М. М. Аркас. Історія України-Русі. Том 2. Частина 2 / URL: <https://litvek.com/book-read/122010-kniga-mikola-mikolayovich-arkas-istoriya-ukrayini-rusi-tom-2-chastina-2> (дата обращения 29.07.2022).

13. Замалеев А.Ф. 1998. Восточнославянские мыслители: Эпоха Средневековья. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета. 270 с.

14. Православие. Епископ Илларион (Алфеев) в 3-х томах. Издательство Сретенского монастыря. Т.1.

15. Ингрида Шимоните. Угрожает ли сегодня Россия прибалтийским государствам? / Электронный текст – английский язык // Портал британского журнала Economist. URL: <https://www.economist.com/podcasts/2022/04/07/does-todays-russia-threaten-the-baltic-states> (дата обращения 09.04.2022).

16. Информация о проведении конференции к 100-летию дипотношений США и Литвы / Электронный текст – литовский язык // Портал Сейма (Парламент) Литовской Республики. URL: https://www.lrs.lt/sip/portal.show?p_r=35403&p_k=1&p_t=281769 (дата обращения 02.07.2022)

17. Структура комитетов и комиссий литовского Сейма (Парламент) / Электронный текст – литовский язык // Портал Сейма (Парламент) Литовской Республики. URL: https://www.lrs.lt/sip/portal.show?p_r=35733 (дата обращения 03.07.2022).

18. Структура подразделений МИД Литовской Республики / Электронный текст – литовский язык // Портал Министерства иностранных дел Литовской Республики. URL: https://urm.lt/uploads/tr/documents/Struktūra%20po%20Kolegijos%2003_29%20final.pdf (дата обращения 04.07.2022).

19. Сообщение Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов об итогах республиканского референдума 27 февраля 2022 год /Электронный текст/ раздел референдумы // Портал ЦИК Республики Беларусь. URL: <https://rec.gov.by/ru/archiv-referendумы-ru/> (дата обращения 05.07.2022).

20. Перечень изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь /Электронный текст/ Приложение к указу Президента Республики Беларусь А.Лукашенко №14 от 30.01.2022 г. О назначении республиканского референдума | Портал «Издательский дом «Беларусь сегодня». URL: <https://www.sb.by/upload/iblock/4ed/4ed2900cf3771a3e4001987bf5240a07.pdf>(дата обращения 05.07.2022).

21. Статья 89³/ «глава 31 Всебелорусское народное собрание всебелорусское народное собрание / Перечень изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь /Электронный текст/ Приложение к указу Президента Республики Беларусь А.Лукашенко №14 от 30.01.2022 г. О назначении республиканского референдума/ Портал «Издательский дом «Беларусь сегодня». URL: <https://www.sb.by/upload/iblock/4ed/4ed2900cf3771a3e4001987bf5240a07.pdf> (дата обращения 08.07.2022).

22. Календарь выборов и референдумов ЦИК Республики Беларусь / Электронный текст/ раздел Календарь выборов и референдумов/ Портал ЦИК Республики Беларусь. URL: <https://rec.gov.by/ru/> (дата обращения 23.07.2022).

23. Носович А.А. 2017. Почему Беларусь не Прибалтика. М.: Алгоритм. 272 с.: илл.